

УДК 316.334.56

**Территориальная стигма:
содержание и знак оценки****А. Ю. Казакова***Калужский государственный университет им.
К. Э. Циолковского, кафедра философии и
социологии**E-mail: kazakova.a.u@yandex.ru**Научная статья*

В работе с опорой на формирующуюся в социологии концепцию территориальной стигмы, дискурс-анализ постов «территориальных групп» сетевых сообществ и материалов официальных региональных СМИ, а также экспериментальную тестовую процедуру классифицируются виды территориальной стигмы по знаку ее оценки и источнику возникновения.

Ключевые слова: территориальность, образ жизненной среды, территориальная стигма, жилищная депривация

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (ОГОН) и Правительства Калужской области, проект №16-13-40002 а(р) – «Типы жилищной депривации населения Калужской области: уровни, источники, последствия».

Введение: жилищная депривация и стигма места жительства

В исследованиях материальной депривации [1], в том числе с учетом жилищных условий [2], стремятся выявить культурный стандарт «нормальной» для разных эпох и обществ жизни. Оценка доступа личности или группы к «адекватному жилью» [3] невозможна без четкого представления о том, чем определяется эта «адекватность» и что недопустимо, резко снижает качество жизни.

Жилищные условия оцениваются по признакам положения, объема, благоустройства. Каждый из них может снижать или повышать интегральную оценку жилья. Особым источником жилищной депривации может стать территориальная стигма – вариант «племенной стигмы расы, нации и религии» [4]. В работах Л. Вакана анализируется сегрегация по этническому и криминальному признаку, которая «портит идентичность» целых кварталов, жилых массивов с дурной славой, а стигма является маркером маргинальных городских пространств, заселенных маргинальным контингентом [5]. Говоря о стигме, авторы «по умолчанию» демонстрируют нам последствия функционирования стигмы только негативной. Вместе с тем феномен стигматизации территорий намного шире и вариативней.

Для цитирования: Казакова А. Ю. Территориальная стигма: содержание и знак оценки // Социальные и гуманитарные знания. 2017. Том 3, № 4. С. 357–368.

For citation: Kazakova A. Yu. Territorial stigma: content and assessment. *Social'nye i humanitarnye znaniya*. 2017; 4 (3): 357–368. (in Russ.)

**Territorial stigma: content and
assessment****A. Yu. Kazakova***Kaluga's K. Tsiolkovski State University, The
Department of philosophy and sociology**Scientific article*

On the basis of analysis of primary sources of the emergence of the territorial stigma concept, discourse analysis of posts "affinity groups" of online communities and official regional media, as well as experimental test procedures the types of territorial stigma on the assessment and their origin are first classified.

Keywords: territoriality, the image of the living environment, territorial stigma, housing deprivation

«Процесс формирования городских пространств, - пишет Е. А. Беликова, - всегда включал в себя механизм сакрализации среды и ... возникновение территорий, отмеченных печатью божественного, что определяло их неповседневное использование в рамках ограниченного набора функций: храм, кладбище, место жертвоприношения или казни» [6, с. 18]. В древнеримском городе особенно выражена идея значимости Центра и священных границ, отделяющих «город» от «негорода», для которых необязательны фортификации: достаточно символической черты или столбов, а также соблюдения почтительной дистанции [6, с. 18].

Иными словами, наряду с негативной стигмой можно выделить и позитивную, а наряду с сегрегацией как ключевым механизмом образования стигмы – функциональное зонирование поселения и социальный символизм. Дом и прилегающая территория становятся текстом, повествующим о социальной биографии, статусе и ценностях хозяина, то есть маркером социальной идентификации, мерой престижа.

Но между (не)престижностью места жительства и стигмой, позитивной или негативной, мы видим важное различие, уводящее в сторону от оценки баланса потребительских преимуществ и недостатков. Л. Вакан говорит об обращенном на них «демонизирующем дискурсе» [5]. Отечественный исследователь подчеркивает, что «проблема существования обширных маргинальных территорий, населенных беднейшими слоями населения» [7], содержит большую долю иррациональности: «образные, часто почти мифические представления о криминальных районах в городе не всегда подкреплены реальной статистикой. Территории, прочно ассоциирующиеся в массовом сознании с преступностью и криминалом, на самом деле могут иметь средний или даже ниже среднего уровень преступности по городу. И наоборот, вполне безопасные на первый взгляд районы могут возглавлять рейтинги криминальных сводок полиции» [7]. Следовательно, принципиальное отличие стигмы от престижа заключено в мифологизации. А значит, можно попытаться вычленить, исходя из стереотипов горожан, из городских легенд и мифов, то общее, что свойственно этим территориям в инварианте, и классифицировать виды территориальной стигмы.

Материалы и методы

Для выявления видов территориальной стигмы в 2016-2017 г.г. мы предприняли дискурс-анализ сетевых нарративов («территориальной» тематики) и текстов экспериментального происхождения, полученных посредством методики неоконченных предложений. Нас интересовала возможность выделения содержательно автономных видов территориальной стигмы; оценка конвенциональности стигмы как части мифологизированного городского пространства (частотность упоминаний, единообразие описаний, многоканальность дискурса).

Поиск источников информации велся в системе Яндекс и социальных сетях Фейсбук и ВКонтакте по ключевым словам: *странное-, непривычное-, неизвестное-, неведомое-, неизведанное-, необычное-, ни на что не похожее-, удивительное-, невероятное-, непонятное-, непостижимое-, загадочное-, таинственное-, угрожающее-, небезопасное-, опасное-, жуткое-, страшное-, ужасное-, ужасающее место(-а)*. Отбор материалов методом снежного кома останавливался, когда каждый второй материал дублировал просмотренный ранее. Индуктивно определились устойчивые, повторяющиеся контексты тематического «поля» стигмы. Далее поиск сужался за счет локализации характеристик «страшных мест» пределами *Калужской области, Калуги*. В итоге был составлен перечень из 45 единиц – наименований конвенционально «страшных», «опасных», «таинственных» территорий Калужской области (сосредоточенных преимущественно в Калуге, Жиздринском и Ферзиковском районах Калужской области).

Тестирование охватило 56 первокурсников очного отделения КГУ им. К. Э. Циолковского (модальный возраст 18 лет; 36 девушек, 20 юношей). Отбирались группы с высокими долями студентов-некалужан, проживающих в общежитии или снимающих жилье (40 человек в составе тестирувавшихся); внутри групп тестирование было сплошным. Нас интересовало, насколько близки «ментальные карты» города уроженцев и иногородних, насколько пересекается с составленным на основе сетевых материалов

перечнем набор выявленных тестом «страшных мест». Испытуемые восполняли пропуски в последовательно зачитываемых вслух предложениях, грамматическая структура которых призвана была выявить и рациональную, и иррациональную составляющие страха: «В Калуге я живу в (где: название микрорайона/ общежитие), а (и) постоянно проживаю (где: там же/ название населенного пункта, района, области). Бывает, когда я собираюсь в гости или погулять (куда), мне говорят: «Ты что?! Там же одни только (кто/что)!» Не знаю, почему они так решили, но я не раз слышал, что_. И привидений там нет, как говорят про_. Нет и аномальных зон, в отличие от_. Лично я считаю самым опасным местом Калужской области_, потому что_. Но страшнее всего мне было, когда я впервые попал_. А вообще гуляйте, где и сколько хотите, потому что в Калуге полно_».

Результаты

Уже на стадии поиска в сети выявилось два типа тематического развертывания дискурса. По содержанию видимая, отчетливая, узнаваемая «ненормальность» может определяться социальной средой или другими компонентами жизненной среды; по генезису – быть рациональной или иррациональной, по восприятию и месту в городской мифологии – пробуждать интерес или настораживать, притягивать или отталкивать, поэтизироваться или намеренно «занижаться», высмеиваться. Так определились типичные ресурсы – отдельные коммуникативные каналы, образованные по территориальному принципу тематические группы в соцсетях, ветки форумов, посвященные «заброшкам», «паранормальным местам», сталкерству, другим формам экстремального туризма, выживанию в постапокалиптическом мире и в условиях социальной катастрофы¹, а также жилищному вопросу² и (или) специфике, истории, достопримечательностям, «этосу» населенных пунктов³ и даже микрорайонов и соседств⁴.

Каждый из выявившихся видов стигмы может делиться на позитивный и негативный. В составе основанной на сегрегационных процессах социальной стигмы доминируют «криминальная», «люмпенская» и «этническая», но наряду с ними существуют престижные самоизолирующиеся сообщества, кладущие в основу своей интеграции принцип социальной и (или) этнокультурной однородности.

Основанная на природно-климатических особенностях и экологическом состоянии «физическая» стигма наиболее ярко проявляет себя в случае Чернобыля и Припяти (для Калужской области аналоги – Ульяновский и Жиздринский районы), но для нее же существует позитивная разновидность (особо охраняемые природные территории, заповедные места).

Шире всего распространена связанная с планировочно-градостроительными решениями функциональная стигма больниц, кладбищ, моргов, тюрем или театров, традиционных мест проведения праздников, объектов культурного наследия. Близка к ней «паранормальная» стигма («нехорошие места» в отличие от позитивно оцениваемых «мест силы»), так как функциональная стигма несет на себе явный отпечаток «магического мышления». Но мы их разделяем: в случае функциональной стигмы отношение к месту меняется вслед за изменением функции, а «паранормальность» видится его неизменным атрибутом и не зависит от функции. Похожие виды обозначились и в итоге тестирования.

Как видно из диаграммы на рисунке 1, студенты-калужане воспринимают как самые рискованные перемещения в чужом микрорайоне (67 % калужан продолжают фразу «Бывает, когда я собираюсь в гости или погулять (куда)» названием окраинного микро-

¹<http://urban3p.ru/>; <https://4stor.ru/zabroshki>; <http://psi-lab.ru/zabroshki.html>;
<http://www.baza4x4.ru/viewtopic.php?p=990>; https://vk.com/freedom_territory

² https://www.u-mama.ru/forum/family/housing/592804/index.html#mid_18656069;
<http://www.woman.ru/kids/teens/thread/3805115/>

³ <https://vk.com/tkaluga>;
<https://www.facebook.com/groups/231685300297580/>; <http://relax.kp40.ru/article/gorodskie-legendy-kalugi-podzemnaya-kaluga-sushchestvuet>

⁴ <http://www.kp40.ru/news/society/40079>

района Калуги: Азарово, Малинники, Северный, Турынино). Приезжие плохо структурируют город, и негативные чувства вызывает не перемещение из более освоенного микрорайона в незнакомый, а Калуга в целом, особенно у тех, кто постоянно проживает в малых городах и селах. Их доля среди студентов из других регионов страны составляет 50 %, а среди студентов, живущих на территории области, 100 %. Потому и максимальный дискомфорт испытывают выходцы из Калужской области. Из-за стресса урбанизма они идентифицируют Калугу с публичными пространствами центра, выполняющими развлекательные и рекреационные функции.

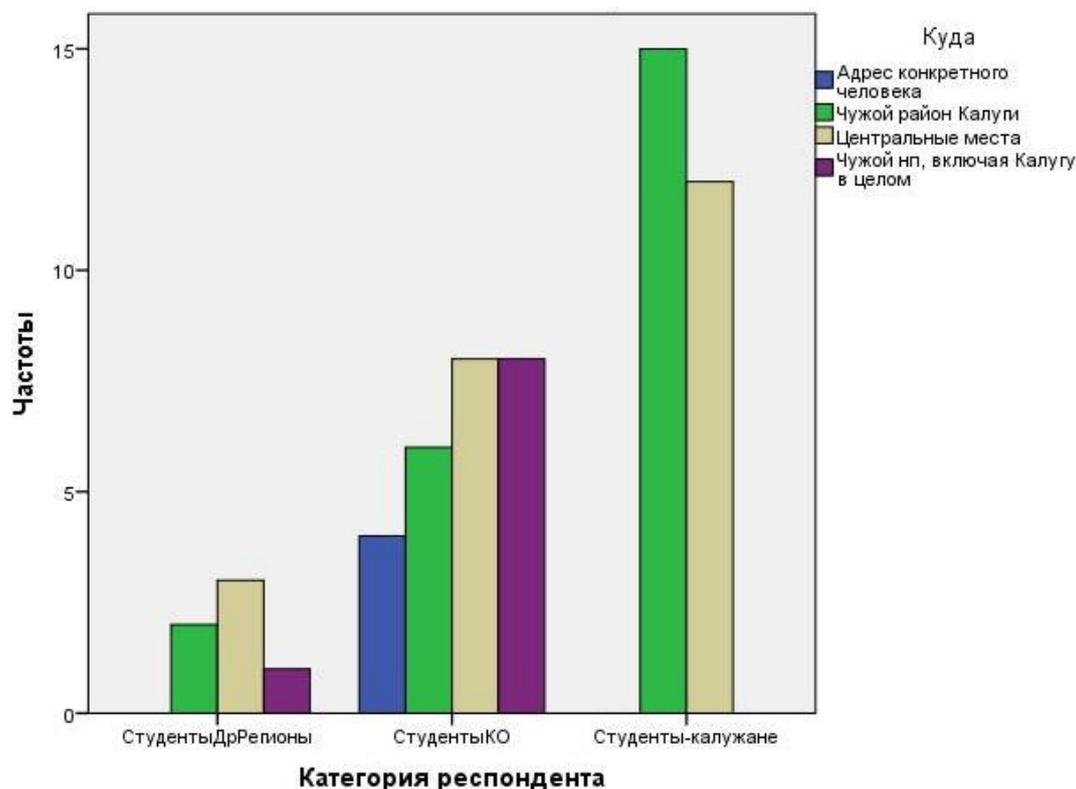

Рисунок 1. Формализованные итоги теста: «рискованные» маршруты передвижений

Фраза «Там же одни только (кто/что)» завершалась в 77 % случаев названием категории людей, встреча с которыми нежелательна: в 27 % – алко- или наркозависимые; в 17 % – люди с психическими отклонениями, в 21 % – правонарушители. При этом калужане, в отличие от приезжих, называют только людей: предметно-материальная среда им привычна. Однофакторный дисперсионный анализ с надежностью разбиения 100 % (по критерию Дункана) выделяет в отдельное однородное подмножество студентов из других регионов: они одинаково опасаются и социальной, и вещной среды города.

Нет статистически значимых различий между постоянными и временными жителями Калуги в знаке (положительная, амбивалентная, отрицательная оценка) «слуха» о ранее названном студентом месте (продолжение фразы «неоднократно слышал, что»). Аргументация страха одинакова: (без-)опасность из-за присутствия там «нормальных людей» или «малолетних отморозков», «плохих людей», близких криминальной среде, «проклятия»; спокойствия или веселья, природы или культуры. Ряд высказываний подтверждает «особость» локуса ее отрицанием: «не такое уж и плохое», «где полно нормальных людей».

Вопрос о местах обитания привидений выявлял атрибуты сверхъестественных пространств. Это заброшенность (22 % в составе всех релевантных, значащих (102) ответов). Это могут быть и широко известные как криминальные и неблагоустроенные, отдаленные или изолированные, непрестижные микрорайоны (около 20 % значащих ответов составили Терепец и особенно Малинники). Места, где культура сдает свои позиции приро-

де (лес, парк – 13 %); неселитебные территории с особыми функциями отделения болезни, смерти, хаоса от здоровья, жизни, порядка (Ховринка, кладбища, стройка), составляют около 33 %. Дополнительный признак семантического поля «заброшенность» – старость, нетипичная архитектура, богатая история («старинные замки»). Еще один мистический признак – темнота и семиотический «низ», подземное расположение: «темные улицы», «подвалы» – 8 %; отчасти сюда примыкают «туалет на стадионе», «общественный туалет» как вместилище нечистот, сбрасываемых под землю.

Чтобы расширить контент от «страшного» до «странного», мы задали вопрос о локализации аномальных зон. Здесь оказалось меньше пропущенных и шутливых ответов. Ответы формально делятся на «калужские» локусы (42 % значащих реакций), локусы других регионов (10 % образуют названные студентами-туляками заброшенные заводы) и прецедентные места-прототипы (48 %). К последним относятся: "СЛОН" («Соловецкий концлагерь особого назначения» – расшифровывает студент-юрист), Бермудский треугольник, Чернобыль (вар.: Припять, леса близ Чернобыля), трущобы, тайга, места на «Битве экстрасенсов».

Последнее подчеркивает медиазависимость стигмы. В «калужской» части ситуация аналогична. «Паранормальность» как потребительская характеристика среды давно переросла жанровые рамки кинохоррора и стала важной частью туристического брендинга территорий. Потому самыми частотными стали растиражированные медиалокусы: урочище Чертово городище и (в масштабах города) Северный, Подзавалье, Аненки. Первые два микрорайона фигурируют и в числе «наркоманских», «криминальных», а также мистических мест. На Северном – это Канищевский пруд с «домом ведьмы», в Подзавалье – Лаврентьевский монастырь, расположенный на Яченке, маркированной рядом загадочных природных явлений и, по одной из версий, убийством Лжедмитрия II; монастырь известен чудесами калужского святого Лаврентия, а в 1920-е гг. – как лагерь принудительных работ. В Аненках расположена областная больница, включая онкологическое отделение; некоторое время район стремительно формировал еще и этническую стигму ввиду работы УФМС¹. Все три территории окружены лесными массивами и пространственно обособлены.

Аномальными зонами часто представляются больницы. Это не только комплекс в Аненках, но и Жиздринская психиатрическая лечебница, и «район больницы, где сдают кровь» (станция переливания на ул. М. Горького соседствует с целым рядом медицинских учреждений, в том числе зданиями Хлюстинской богадельни, с которой связаны легенды о призраках²).

Часть «аномалий» причислена и к «самым опасным местам Калужской области». Это пос. Бетлица, где «легко найти неприятности». Станция Зикеево Жиздринского района, вошедшая в наш перечень упоминаний в СМИ в качестве уфологической зоны, как опасное место названа студентом потому, что «там скучно». Страшен «любой лес». По Киевскому шоссе «могут ехать террористы». Пугает скопление людей в гипермаркетах, клубах, барах. Студентами из малых городов области называется весь областной центр: «я не люблю этот город и хочу домой». Как мы отмечали ранее, переживание краудинга часто оказывается барьером формирования городской идентичности³, включая освоение приехими урбонимов и точность их понимания коренными жителями⁴.

¹ Казакова А. Ю. Миграционная проницаемость и территориальная стигма городских районов. Итоги повторно-сравнительного исследования микрорайонов Калуги // Современные проблемы управления и регулирования: теория, методология, практика: Монография /Ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза: Наука и просвещение, 2016. С. 126-159.

² Урусов А. Калуга: вехи истории. URL: <http://www.potomki-1812.ru/2014/01/kaluga-vexi-istorii/> (дата обращения: 05.08.2017).

³ Казакова А. Ю. Краудинг как фактор городской идентификации студентов-первокурсников // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2017. № 10. Т. 40. С. 41-51.

⁴ Казакова А. Ю. Территориальная стигма в функции пароля и ее связь с жилищными условиями // Социальные и гуманитарные знания. 2017. № 2. Т. 3. С. 138-148.

Но топонимами непрестижных окраин легко оперируют и приезжие, используя ту же аргументацию, что и калужане. «Окраины Калуги» (6 % релевантных реакций) страшат тем, что «там меньше людей, но возможно, больше маньяков», и потому, - пишет обнинец, - «о них я слышу только в новостях про убийства». Именно социальная стигма «криминальной» и «люмпенской» семантики составляет основную долю «площади» стигматизированного городского пространства. Как «люмпенские» воспринимаются бывшие рабочие районы молодого центра, застройка которых осуществлялась для нужд промышленных предприятий в 50-60-е гг. XX в.: «Пушки» («там собирается пьяная и не всегда адекватная молодежь»), микрорайон Середа, который «наполнен наркоманами и асоциальными элементами» и где «много гопников». Часто упоминается Кубяка, где «много гопников», Малинники, так как там «высокий уровень преступности», «водятся одни бандиты». На Малинники приходится 13 % всех упоминаний, и их образ, возможно, за счет «наивной этимологии», ассоциируется именно с профессиональной преступностью. Стигма Малинников настолько отчетлива, что поддается экономическому измерению: «Риэлторы уверены, что если в описание типичной квартиры добавить слово «Малинники», ее рыночная цена тут же снизится на 5-7 %», - сообщает калужский журнал о недвижимости «Калугахауз»¹.

Северный, в соответствии с «аномальностью», страшен иррациональной агрессией: «там были и есть маньяки», «обычно именно там орудуют маньяки, совершаются убийства», - уверены студенты-калужане. Максимум в 26 % реакций среди упомянутых ойконимов достигает Турынино – экологически чистый, но отдаленный, дискретный, разбросанный на юго-восточной окраине города микрорайон с неудобной планировкой квартир в большей части многоэтажного жилфонда², воспринимающийся как средоточие этнической преступности (прежде всего цыганской наркоторговли), инфраструктурной скудости, отсталости. Турынино становится устойчивым калужским вариантом инвариантной структуры «демотиватора», который можно обнаружить на страницах виртуальных территориальных сообществ многих городов: «Бесит, когда садишься в маршрутку с надписью «На Берлин», а она везет тебя в ...»³.

Интересна вербализация освоения города: «А вообще гуляйте, где и сколько хотите, потому что в Калуге полно». Форма допускает как отрицание, так и гиперболизацию опасностей. Часть реакций – отказ интегрироваться: зачеркивание «в Калуге полно» и продолжение «потому что мне все равно»; «мест, где мне неинтересно». Их мало (чуть меньше 10 %), даны студентками из районных центров, живущими в общежитии. Лояльные к городу по-разному определяют объекты притяжения/избегания и гарантии личной безопасности (см. гистограмму на рисунке 2).

21 % реакций указывает на удовольствие от провокации риска («потому что в Калуге полно опасных мест», «полно таких крутых заведений» и пр.). Тип, когда стигматизированные пространства получают позитивную оценку, отсутствует у студентов из других регионов. Приезжие несколько больше доверяют правоохранительным органам, чем коренные калужане (44 % студентов из других регионов и 39 % студентов из области против 11 % студентов-калужан). Студенты из области (22 % от подгруппы, тогда как у двух других – по 11 %) стремятся заручиться поддержкой «своих»: родственников, земляков, диаспоры (например: «полно армян»). У всех трех подгрупп самая частая реакция – избегание опасных мест. Сильнее всего она выражена у коренных калужан (54 % от подгруппы при 44 % студентов из других регионов и 29 % студентов из области), так как уроженцы города и являются главными носителями и трансляторами локальной мифологии.

¹ Марченко Д. Не жизнь, а «Малинники» // Калугахауз. 2013. № 4. С. 27.

² Калуга сегодня. Главная страница агентства недвижимости «Домовой». URL: <http://grugor.ru/domovoy/kaluga-segodnya>.

³ В данном случае – Турынино. Пост сообщества «Типичная Калуга» в социальной сети «ВКонтакте». URL: https://vk.com/tkaluga?z=photo-32713787_456256276%2Falbum-32713787_00%2Frev.

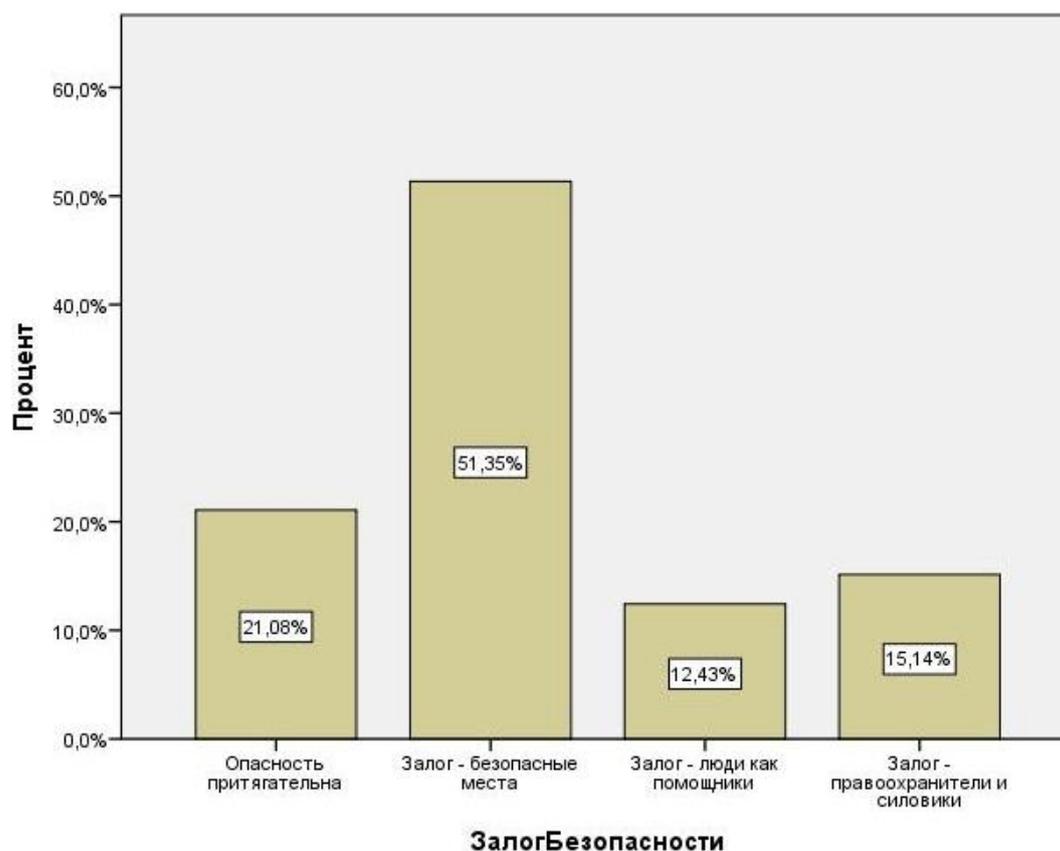

Рисунок 2. «Управление риском»: доли вариантов территориальных тактик

Обсуждение

«Квинтэссенция» пространственного страха – это, конечно, пребывание в «чужом» пространстве. И можно было бы согласиться с Н. К. Радиной, которая, реконструируя символическую карту страхов и рисков горожан, приходит к выводу о том, что ее координаты определяются двумя оппозициями: «Город-Не город» и «Я-Другой» ... места страха горожан связаны преимущественно с «Другими» в городе» [8, с. 126]. Наши данные подтверждают и деление ею страшных мест на пространства «угроз» (опасностей, которые можно предсказать с опорой на свой или чужой опыт, в том числе почерпнутый из СМИ) и конвенциональные пространства «чистого страха». Последние – проекция массовой тревожности на устойчивый, типический набор топосов: «вокзалы и рынки, районы локального проживания мигрантов, места заброшенных строений или развалины, тоннели и, с большой долей вероятности, метрополитен ... безлюдные и плохо освещенные места ... «плохие» зоны обитания маргиналов» [8, с. 132].

Но для выявления стигмы предложенная система координат недостаточна. Рациональность или иррациональность природы страшного – это характеристика субъекта, а не объекта, и потому и результаты Н. К. Радиной, и наши показывают, что один и тот же объект может быть мотивированно и немотивированно страшным. Например, как «самый страшный опыт» в нашем тесте дважды упоминался лес, но в одном случае потому, что «там бегают кабаны», а в другом потому, что «там было совершено убийство». «Чуждость» также объясняет мало: любой страшный объект обязательно чужд, но не любой чуждый обязательно страшен. Студенты, проживающие в стигматизированных районах (Малинники), редко называют их в качестве «страшных мест», чаще выбирая «чужой» микрорайон, что согласуется со схемой Н. К. Радиной (есть исключение: студент с Северного оценивает как аномальную зону свой дом). Но почему из множества «чужих» безошибочно, в том числе иногородними, выбирается именно тот, который тоже считается «нехорошим», предложенная схема объяснить не может.

Характерно, что «нехороший» локус находится на значительном отдалении от места жительства испытуемого, в том числе временного. Жители расположенных на севере

«страшных» для других районов (Северный, Малинники) называют крайние точки южной стороны (Турьино, Правобережье), и наоборот. Возможно, стигма «поселяется» не просто на непрестижных окраинах (потому что другие окраинные районы не упоминаются вообще или получают единичные упоминания), а в тех отдаленных районах, которые: а) географически далеки от большинства жителей города, в пределе – изолированы (природными и (или) техническими барьерами); б) наиболее отчетливо представляют границу в оппозиции «город – негород» за счет резкой смены жилых массивов лесом, пустошью, полем (без «перехода» в виде промзон, гаражей, дач и т. д.).

Еще одна деталь – неуверенность, модальность возможного, прямые упоминания дефицита информации. Окраины опасны, так как «о них слышно только в новостях про убийства», а еще там, «возможно, больше маньяков». Поселок Бетлица – «далекое и неизведанное для меня место». Район улицы Хрустальной – «какой-то заброшенный район». В университете «все новое вокруг, пугающее».

Частая эмоция – шок от нарушения какого-то культурного шаблона. Старинный некрополь, расположенный в одной из центральных частей города, пугает не только потому, что это кладбище: «Там я его совсем не ожидала увидеть». Исследования современного фольклора показывают, что в сельских условиях стигматизируется не любое кладбище, а особое: предназначенное для «заложных покойников» – самоубийц, «опоец» [9]. В городских условиях стигматизируется не само кладбище, а прилегающие к нему или построенные на месте снесенного кладбища жилые массивы, улицы, отдельные дома. Смысл стигмы не обязательно сверхъестественный. Кладбище, «въевшееся» в пространство живых из-за расширения города, притягивает к себе все, что город отторгает, манит асоциальные элементы: «на Пролетарском проспекте сторона, правая от вокзала, считается дорогой девушек легкого поведения. На этой стороне в центре города имеется старое кладбище (вызывает страх), почему-то плохо растут деревья», – цитирует жителя автор из Петрозаводска [10, с. 553]. В Калуге из 10 современных кладбищ явно стигматизированы только Пятницкое и его автономная часть – «еврейское» Симеоновское. В отличие от прочих, эти находятся непосредственно внутри жилой застройки, оказавшись почти в центре города (как и в Петрозаводске). Смерть и другие лиминальные состояния (болезнь, роды, лишение свободы, безумие, временное помрачение рассудка под влиянием алкоголя) не должны находиться среди живых. Отсюда клише фильма ужаса: дом «на костях», дом рядом с кладбищем (например, «Последний дом на Семетери-Лэйн» или в ключе пародии – «Парень с нашего кладбища»).

Знакомство с общежитием вызывает панику нарушением автономии («Все общее, это не дом»), структурой (душ в подвале – «это не для слабонервных»), размерами и декором («Там было пусто и оно напоминало морг»). Безымянные дворики обманчиво похожи друг на друга. «Коварство» их мнимой освоенности проступает, когда опаздываешь: «Я хотела сократить путь и заблудилась».

Итак, объект, который стигматизируется, – чужой потому, что он вне рамок обычного территориального опыта (тайна, загадка). Он может быть не только страшным, но и постыдным и (или) смешным. Он может вызывать гнев, жалость (см. концепцию стигмы в версии Т. Шеффа [11]), отвращение или благоговение, но всегда – шокировать и завораживать.

Сказанное соответствует «нуминозному переживанию» Р. Отто и К. Г. Юнга или «знаку трансцендентности» П. Бергера: «священное минус его нравственный момент и ... минус его рациональный момент вообще» [12]. Эти «минусы» с легкостью допускают инверсии в оценке стигматизированного пространства. На эту инверсию, двойственность отношения, о которой говорят проанализированные нами полилоги форумов обитателей коммуналок и общежитий, указывает и Н. К. Радина: «Горожане иррационально опасаются тоннелей и вокзалов, а также считают зонами риска места «городского отдыха», проезжую часть и городской транспорт. Вместе с тем любое безлюдное место иррационально или продуманно оценивается горожанами как «страшное», а разрушенные или ветхие строения вызывают немотивированную тревогу. Горожане хотят сохранить природное в городском пространстве (чистоту реки, например), однако многие «природные элементы» города (лесопарки, собаки и т. п.) оказываются в зоне пространства риска и «страшных мест» [8, с. 138].

Мы полагаем, что именно оппозиция безлюдности/многолюдности, разреженности/плотности среды и одиночества/краудинга как их социально-психологического аналога – та искомая латентная переменная, которая служит ориентиром «подозрительно-го», неблагоприятного пространства, но отсутствует в классификационной схеме Н. К. Радиной, замещаясь в ней характеристикой (ир)рациональности воспринимающего сознания.

Для проверки данного предположения озвученные студентами страхи мы закодировали как относящиеся к изолированным, пустым и безлюдным пространствам (1 балл) либо к многолюдным, независимо от степени анонимности и социальной однородности людей (2 балла). С помощью мер направленности мы оценили их связь с рациональной/иррациональной мотивировкой страхов, а также вектор этой связи (что на что влияет).

Пространственные страхи преимущественно иррациональны по характеру объяснений студентами того, почему тот или иной объект вызвал у них самое сильное переживание страха: 55 % испытуемых мотивируют ответы о причине выбора тех или иных мест подозрениями, слухами, ностальгией по дому, 43 % ссылаются на личный опыт, 2 % пропусков. Но, как видно из рисунка 3, рациональность/иррациональность неравномерно распределена между теми, кто испытывает более сильный дискомфорт от одиночества, и теми, для кого тяжелее краудинг. Проверка по z-критерию показала, что неравномерность неслучайна.

Направленные меры (показатели лямбды, тау Гудмена и Краскала, коэффициент неопределенности и статистика эта) значимо ближе к единице, если зависимой переменной является (ир-)рациональный характер объяснения страха, чем если зависимой является переменная изоляции/скученности. Иными словами, неприятие краудинга или одиночества оказывается той латентной содержательной переменной, которая стоит за отбором ориентиров окружающего пространства, за их рациональной категоризацией как рискогенных или метафорическим, ассоциативным включением в ряд неприятных, дискомфортных образов. При этом страх перед многолюдностью, как правило, рационализируется, а перед одиночеством и (или) изоляцией, заброшенностью отчетливо иррационален.

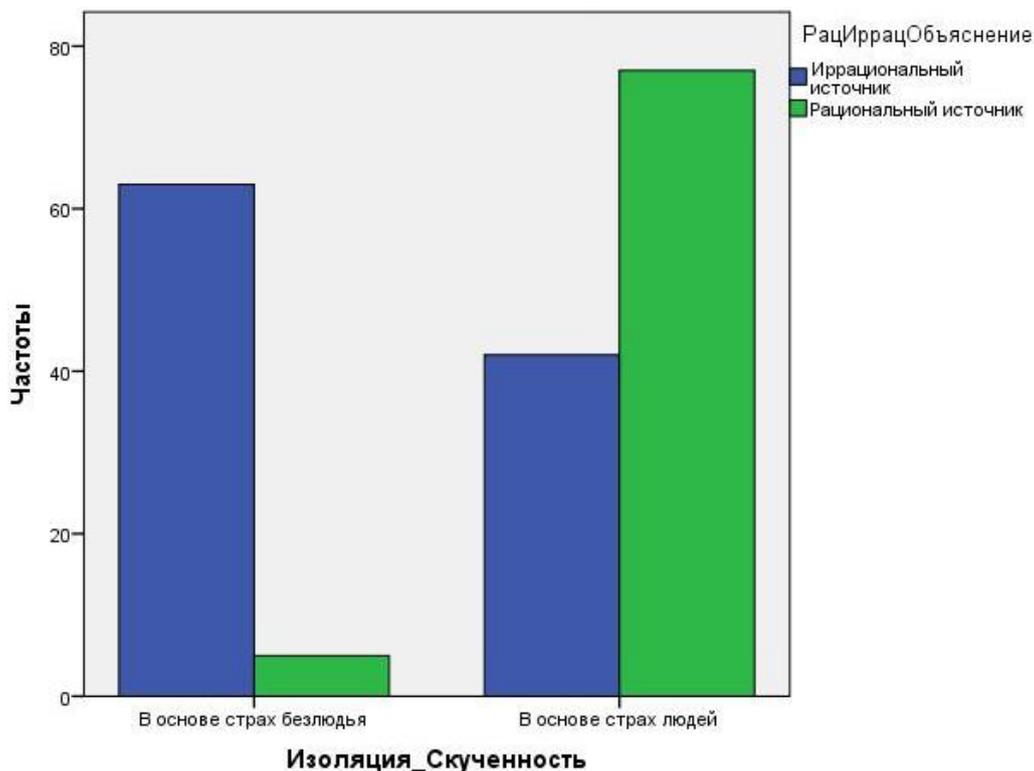

Рисунок 3. Сопряженность мотивации страха безлюдных и людных мест

Оценку мер направленности мы провели и по второй паре переменных: рациональность/иррациональность страха и домашнее/внедомашнее пространство. Последнее противопоставление уточняет оппозицию «Город-Негород», развертывая ее как последовательность «близких-дальних», «человеческих-внечеловеческих», а также «управляемых-неуправляемых» мест в континууме: первичное пространство (дом) – вторичное (чужие заселенные пространства: дворы, кварталы, улицы, микрорайоны) – третичное («публичные» пространства, общественные здания, места реализации формально-ролевых взаимодействий) – неселитебные «особые» зоны (кладбища, стройки, заводы, свалки) – пространство вне населенных пунктов («природа»).

Обнаружилось (см. рис. 4), что «первая природа» почти полностью исключает страхи рационального характера, а домашнее пространство почти никогда не вызывает тревоги – за исключением иногородних, для которых это жилье временное: общежитие, арендованное или безвозмездно предоставленное близкими жилое помещение. Пока эти различия (статистически значимые) полностью соответствуют делению «город-негород». Вместе с тем, по логике данного деления, жилые массивы, пусть и «чужие», малознакомые, должны пугать реже, чем неселитебные зоны, а это не так. Кроме того, мифологизация статистически значимо чаще распространяется на жилые массивы, а рационализация статистически значимо чаще характеризует восприятие неселитебных городских территорий и публичных пространств. И в этом случае (ир)рациональность оказывается производной от типа пространства (все направленные меры значимо больше приближены к единице, если зависимой является именно эта переменная).

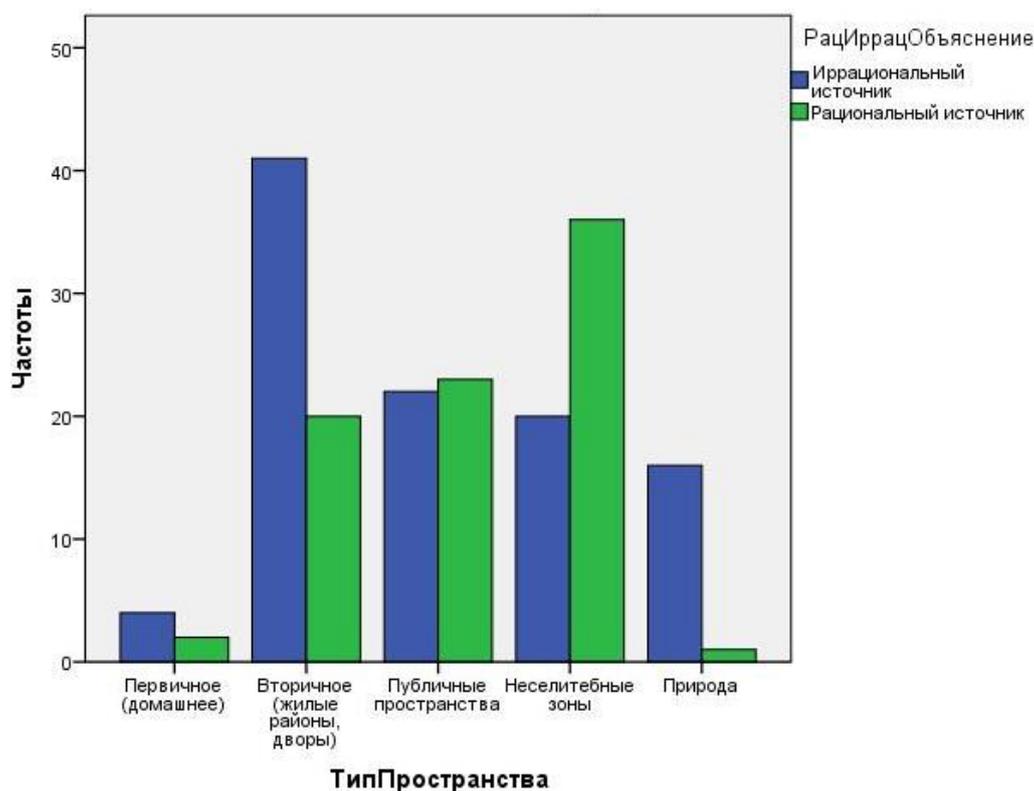

Рисунок 4. Сопряженность мотивации страха жилых и нежилых мест

Тип пространства и изоляция/скученность дискриминируют 75 % исходных сгруппированных по значениям «рациональный страх»/«иррациональный страх» наблюдений. Наибольшей различительной силой обладает изоляция/скученность, а лучше всего классифицируются, как показывают коэффициенты канонической дискриминантной функции, наблюдения со значением рационального страха. Здесь верно классифицировано 94 % наблюдений, а в категории «иррациональный страх» – только 60 %.

На базовый характер оппозиции «жилое-нежилое» указывает специфичность боязни дома иногородними студентами. Безусловно, это особый дом – жилье временное, институ-

циональное, предоставляемое лишь в рамках некой роли (больной, студент, воспитанник и т. д.). Но жилищная депривация как раз и подразумевает случаи исключительные, случаи какой-то явной ненормальности, которая при проведении массовых обследований обычно остается вне поля зрения, укладываясь в пределы «статистической погрешности».

Категоризационная «сетка» стигматизации должна быть дополнена переменной *знака оценки*, которой сопровождаются упоминания конкретных мест и объектов. Вместе три дискриминанты правильно классифицируют 83,4 % исходных сгруппированных по признаку рациональности/иррациональности наблюдений, причем для рациональных объяснений 85,4 %, для иррациональных – уже 81,9 %; общая каноническая корреляция =0,698.

Слухи и содержащиеся в них оценки, касающиеся природы – первой и второй, – положительны, и здесь встречается только одно значение: безлюдность. Неизменно положительно также оценивается многолюдность публичных пространств. И то, и другое – норма. Домашнее пространство, жилая застройка и неселитебные территории допускают как положительные, так и отрицательные оценки, способны ассоциироваться как с изоляцией, так и со скученностью.

Вместе с тем линейная регрессия для зависимой переменной «Знак оценки» (таблица 1), построенная методом исключения для расщепленной по признаку временного или постоянного характера проживания в Калуге выборки на основе таких предикторов, как «Изоляция/Краудинг», «Тип пространства», «Рациональность/Иррациональность», выявляет существенные различия в восприятии городского пространства студентами-калужанами ($R = 0,813$; $R^2 = 0,661$) и приезжими (на первом шаге $R = 0,593$; $R^2 = 0,351$, на втором шаге $R = 0,588$; $R^2 = 0,346$).

Таблица 1

Коэффициенты¹ линейной регрессии

Жилье	Нестандартиз. коэф-ты		Стандартиз. коэф-ты	t	Знч.
	B	Стд. Ошибка	Бета		
1,00 1 (Константа)		3,69		9,62	0,00
	Изоляция_Скученность	0,16	0,22	0,10	0,74
	РацИррацОбъяснение	-0,73	0,22	-0,46	-3,34
	ТипПространства	-0,28	0,08	-0,36	-3,35
2 (Константа)		3,81		11,09	0,00
	РацИррацОбъяснение	-0,63	0,17	-0,39	-3,75
	ТипПространства	-0,29	0,08	-0,37	-3,56
2,00 1 (Константа)		-0,53	0,25	-2,10	0,04
	Изоляция_Скученность	1,14	0,13	0,62	9,08
	РацИррацОбъяснение	-0,84	0,11	-0,50	-7,61
	ТипПространства	0,64	0,05	0,80	14

Чем ближе к приезжому пространство, которое вызвало шок, став «самым ужасным» в его памяти, чем менее рационально объяснение этого впечатления, тем позитивней смысл нарратива, обращенного на место - пункт назначения в типичном маршруте (направляюсь куда – слышал, что). Чем дальше от уроженца «самый страшный» локус и чем чаще он ассоциируется с многолюдностью, чем менее рационально объяснение страха, тем позитивней нарратив. Это повествование, по сути, можно интерпретировать как метонимическую (часть-целое) оценку города в целом – города как совокупности многих «чужих локусов». Как видим, иррациональность стигмы связана и с формированием городской идентичности, и с жилищными условиями.

Выводы

Стигмой, выполняющей классификационную, идентификационную, защитную функцию, отмечены (путем выделения из «профанного» пространства, отчуждения от

¹ Зависимая переменная: Характер (знак) слуха

повседневного человеческого быта) не все «страшные места», а особые. Это места «нечеловеческие», где «нельзя жить» и даже нежелательно находиться, не сочетающиеся с фреймом дома, жилого и обжитого пространства. Поэтому базовым, опорным атрибутом стигматизированного локуса является «нуминозное переживание». Именно нарушение фрейма «нормального» для человеческого жилища местоположения становится источником жилищной депривации обитателей стигматизированных территорий, поскольку неконвенциональное место жительства распространяет свой «демонический» ореол на обитателя.

Имея надперсональную природу, территориальная стигма выполняет функции культурного наследия и интеграции. Она выполняет и социорегулятивную функцию, определяя отношение к жилью, расположенному в пределах стигматизированных пространств, влияя на территориальное поведение жителей, становясь фактором формирования физического пространства поселения.

Ссылки / Reference

- [1] Овчарова Л. Н. Социально-демографический профиль, факторы и формы проявления бедности российского населения: Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2011. URL: <https://refdb.ru/look/2001297-p5.html> (дата обращения: 14.02.2017).
- [2] Слободенюк Е. Д., Тихонова Н. Е. Эвристические возможности абсолютного и относительного подходов к изучению бедности в российских условиях // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2011. № 33. С. 005-027.
- [3] Голомазова Т. Н. К вопросу о комфортности жилья как о важнейшей социальной проблеме // Недвижимость: экономика, управление. 2010. № 3-4. С. 70-73.
- [4] Гоффман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью / Пер. с англ. М. С. Добряковой. URL: http://www.hse.ru/data/2011/11/15...Goffman_stigma.pdf (дата обращения: 21.11.2016).
- [5] Вакан Л. Социальная логика бокса в черном Чикаго: к социологии кулачного боя // Логос. 2006. № 3 (56). С. 104-140.
- [6] Беликова Е. А. Представления о сакральной территории в античном городе // Studia Humanitatis. 2014. № 1-2. С. 18.
- [7] Ряпосов И. А. Организация безопасного городского пространства: стратегия и методы // Молодежь и наука: сборник материалов IX Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, посвященной 385-летию со дня основания г. Красноярска. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2013. URL: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2013/section039.html> (дата обращения: 16.02.2017).
- [8] Радина Н. К. Социальная психология городского образа жизни: город страха // Социальная психология и общество. 2012. № 1. С. 126-141.
- [9] Михайлов С. С. Современные предания о «нехороших» местах на территории исторической местности Гуслицы // Традиционная культура. 2012. № 3. С. 86-90.
- [10] Разумова И. А. Несказочная проза провинциального города // Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003. С. 544-559.
- [11] Власова О. А. Теория стигматизации Томаса Шеффа: концепт «остаточное отклонение» и социология эмоций // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2013. № 1. С. 31-48.
- [12] Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / Пер. с нем. А. М. Руткевич. URL: <http://predanie.ru/otto-rudolf-rudolf-otto/book/216242-svyaschennoe/#toc36> (дата обращения: 13.09.2017).